

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ника Крылатая

18+

Клубничные
каникулы

Ника Крылатая

Клубничные каникулы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67817015

SelfPub; 2022

Аннотация

"Если жизнь подсовывает тебе лимоны, сделай лимонад!" После неудавшегося покорения столицы Ульяна возвращается в родной город, чтобы устроиться на новую работу, но и тут ее ждет неудача. А, возможно, судьба ее ведет к одному мужчине, который будет счастлив только с ней рядом? Главное, не испугаться грозного взгляда и сурового голоса.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Ника Крылатая

Клубничные каникулы

Глава 1

Уля Шварц (по паспорту Ульяна Михайловна Фенечкина), светский обозреватель, завсегдаятай тусовок и тому подобное (а проще говоря, собирательница сплетен), металась по комнате, укладывая чемодан. Через несколько часов ее ждал поезд, который отвезет в родной город, похоронив под стук колес мечты, чаяния и почти десять лет столичной жизни. Чемодан сопротивлялся, он, как и его владелица, не хотел покидать столицу, где жизнь кипела и бурлила круглосуточно. Огромному красному сундуку нравилось летать в Турцию или Египет, а лучше в Таиланд, но никак не трястись на багажной полке душного вагона, печально двигаясь в сторону провинциального города, пусть и миллионника.

– Зараза! – Ульянка ударилась мизинцем об это дорожное чудище и с досады пнула его в отместку. Легче не стало, стало больнее. – Ну, зараза! – грозила обозревательница кулаком не то чемодану, не то кому-то неведомому. – Нет, ты только представь, какая гадина, – зло сдув платиново-блондинистую прядь с лица, она выпрямилась и повернулась к мужчине, развалившемуся на кровати.

– Улечка, успокойся, – смазливый брюнет, облик которого с головой выдавал в нем последователя всех модных трендов, потянулся и перекатился на бок, подпер рукой голову и продолжил: – Не принимай близко к сердцу. Через годик она забудет, и ты снова сможешь устроиться в журнал. Неужели все так плохо, что надо непременно уезжать? Устройся секретарем. Или официанткой. Мне одному будет тяжело оплачивать эту чудесную квартирку.

– Артурчик, а ты не офигел ли? – теперь блондинка грозно уперла руки в бока и притопывала ногой. – У меня тут карьера рухнула, меня не возьмут ни в одно приличное место работать, в конце концов, мы с тобой встречаемся два года, а ты волнуешься, как будешь оплачивать квартиру один!

– Если бы ты меня любила, осталась бы в Москве и нашла любую другую работу, чтобы не бросать меня.

– Если бы ты меня любил, сам нашел бы приличную работу, чтобы я не уезжала, – Ульяна в который раз поразилась, на кой ей сдался Артур, разве что они красиво вместе смотрелись. А по факту лентяй, раздолбай, большой ребенок. – Да пойми ты наконец, мне теперь на все тусовки вход закрыт из-за этой мымры. А дома устроят работать в местный журнал, уже даже взять готовы столичного журналиста.

Мымрой, да и несколько хлеще, называли известную светскую львицу, имя которой лишней раз лучше не произносить. Дама была давно и прочно замужем за столичным богачем, меценатствовала, устраивала благотворительные ба-

лы и всячески поддерживала искусство и молодые таланты. Как и всегда, род деятельности таких людей был широк, но чем при этом занимаются, никакой конкретики. Зато посещение Аллой Вадимовной любого мероприятия сразу выводило то в событие сезона, на выставку выстраивались очереди, художник делался модным, а музыкант – популярным.

Не стоит говорить, что сия дама внимательно следила за своим имиджем и окружением, а еще не терпела возражений, была категорична и злопамятна. Зато являлась кратчайшим путем на вершину, точно как и в бездну забвения. Так вот, не далее как вчера состоялся грандиозный вечер, посвященный чему-то там, на который Ульяне всеми правдами и неправдами удалось пробиться. Парочка интервью, несколько фото со звездами и Фенечкина бы перешагнула черту, отделяющую ее от успеха и признания. Давно уже надоело освещать концерты групп На-На и ПМ, от былой славы которых остались рожки да ножки, да делать вид, что угасшие звезды девяностых ей интересны. На всех поворотах ее обгоняли молодые да ранние блогерши. А так хотелось на кинофестиваль, если не в Канны, то хоть в Сочи, а для этого нужно обладать мозгами, внешностью, эрудицией и богатым покровителем.

Из всех нужных составляющих у Ульки была только внешность, которой она пользовалась по полной, мозги тоже были, но вот как-то, видимо, не в достаточной мере. Вот и вчера, сделав подобающий случаю макияж, уложив волосы голливудскими локонами, втиснув себя в узкое коктейльное

платье и обув шикарные туфли на шпильке, обозревательница рванула прокладывать себе путь в светлое завтра. И все шло хорошо до поры до времени – Уля Шварц пообщалась с новомодной певичкой, безголосой, но мега-популярной, поболтала с известным ведущим, которого обожала до дрожи в коленках (и даже не визжала от восторга, а вела себя вполне достойно), и уже наметила следующую цель – хваткого продюсера, как под ноги ей попался тот самый злополучный подол.

Совершенно очарованная телеведущим, Уля улыбалась во все тридцать два зуба, воображение уже рисовало сцену благодарственного коленопреклонения шефа и гремели фанфары, когда она, пятясь, наступила на шлейф платья, принадлежащего той самой светской львице. Мадам в это время двинулась по своим делам. Возможно, дело в кривых руках швеи, гнилых китайских нитках, Луна была не в той фазе или просто роковое стечение обстоятельств, но на виду у большого количества приглашенных знаменитостей и журналистов хитро скроенная юбка оторвалась от лифа и упала к ногам владелицы. Тонкая ткань, скрепленная на бедре цепочкой, чтобы выгодно показывать стройную ножку мадамы, с громким треском порвалась, обнажив ту по пояс. Интернет и мобильные телефоны зло – тут же по соц. сетям разлетелись фото полуголой "львицы" и Ульянки, стоящей с испуганным видом на злополучном подоле.

От шока Фенечкина покачнулась на огромных каблуках,

зацепилась за ткань и разлила содержимое своего бокала на меценатку и благотельницу. А будучи выше нее на сантиметров двадцать, поток красного вина пришелся аккурат в лицо и стёк в глубокий вырез декольте.

Три секунды длилась тишина.

– Тебе в Москве не жить, – прошипела благотельница. Подняв с пола кусок ткани, бывший когда-то платьем, завернулась в него и, уходя, ткнула в Ульку пальцем со словами: – Убрать. Совсем.

С вечеринки пришлось спасаться бегством. Даже тени сомнений не возникло, что ее имя останется тайной хоть сколько-нибудь долго. Увы, печальный прогноз подтвердился. Фенечкина еще до дома не добралась, а на телефон уже трезвонило начальство:

– Ульяна! – из трубки буквально полыхало огнем и гневом. – Какого черта ты устроила? Зачем ты туда поперлась? С какого раза в твою блондинистую голову должна прийти мысль, что это не твой уровень? Ты уволена!

Девушка, бывшая еще пять минут назад Улей Шварц, снова превратилась в Ульяну Фенечкину – безработную провинциалку, мечтавшую покорить Москву. Работать ей теперь либо кассиром в заштатном магазинчике, либо дворником, но и туда могут не взять.

Мотнув головой, бывшая журналистка относительно приличного журнала принялась дальше укладывать вещи. Возможно, она не была умна настолько, чтобы получить Нобе-

левскую премию или создать антиматерию в лабораторных условиях, зато была целеустремленной и практичной. Розовые очки слетели буквально через пару месяцев после переезда в столицу, когда оказалось, что таких провинциалок, мечтающих приблизиться к звездам, пруд пруди. С трудом удалось устроиться в третьесортный журналчик, да и первые знаменитости, с которыми она познакомилась, были мало кому интересны. С переносом основной части светской жизни в Интернет стало одновременно и проще, и сложнее. А теперь ей и там нет места – все ее странички уже заблокированы. Так вот накрылись медным тазом мечты об эксклюзивных интервью со звездами первой величины – не стать ей теперь ни Опррой, ни даже Кудрявцевой.

– Ужас, поезд уже через пять часов, – Улька торопливо перепроверила, все ли нужное уложила. Артур обещал упаковать остальные вещи и отправить транспортной компанией, с ней в "ссылку" ехать категорически отказался. Конечно, можно было бы не спешить со сборами, но утром позвонила одна из теперь уже бывших коллег и весьма настоятельно посоветовала делать ноги. Даже распоследняя бульварная газетёнка получила письмо о том, что Фенечкина практически вне закона. Фотографии пытались удалить, но они приобрели вирусную популярность и лавиной распространились по сети.

Артур отказался тащиться на вокзал, лишь донес чемодан до такси. И Ульяна вдруг поняла, насколько опостытели

ей эти отношения. Даже дышать стало легче, будто камень с груди сняли. На вокзале царили шум, гам, суета, прибывали и убывали поезда, одна толпа сменяла другую. Ничего за прошедшие года не изменилось.

Заняв купе и с помощью соседа закинув чемодан на полку, Улька залезла на свою верхнюю, предварительно застелив ее. Ехать сутки с копейками, она потерпит, лишь бы не приставали с разговорами. И только глубокой ночью, когда весь поезд погрузился в сон, накатила тоска. Щемящая, противного болотно-зеленого цвета. Пришлось выйти в тамбур, чтобы никто не мешал плакать по жизни, загубленной так глупо. Конечно, со стороны может показаться, что невелика трагедия, но восемь лет жизни отданы покорению столичной тусовки, а теперь выброшены коту под хвост. Одна нелепая случайность, один неудачный шаг – и годы диет, пластическая операция, да вообще все обесценилось.

Уезжая из родного города, она клялась себе никогда не возвращаться, разве только в редкий отпуск к родителям. Предпочитала горячие путевки, трехзвездочные отели – только бы прикоснуться, хоть на миг приблизиться к шикарной жизни, которую ведут самые популярные люди социальных сетей. Гналась за химерой, пыталась выстроить идеальную жизнь в глазах других, не давая себе ни минуты покоя, ни секунды на раздумья, продолжая по инерции воплощать планы. Только вот чтобы пробиться на верх, нужно быть позубастее, постервознее, похитрее, а в Уле этого не

было. Но было страшно признаться в этом в первую очередь самой себе. И вот теперь, в темноте и под стук колес, она вглядывалась в проплывающий за окном пейзаж, пытаясь отыскать ответы на главный вопрос "Зачем?". Зачем ей было это нужно? Зачем было столько жертв? Зачем нужно было ломать свой характер? Чтобы в тридцать остаться без работы, быть все еще без собственного жилья, даже без приличного жениха. А ведь по плану к этому времени она должна была уже брать интервью у знаменитостей первой величины, а через пять лет – у мировых. Да к ней уже эти звезды сами должны были в очередь выстраиваться!

А теперь она убегает домой, слезами смывая мечты о квартире, машине, богатом муже и головокружительной ночной жизни.

Глава 2

Росла Ульянка очень подвижным и любознательным ребенком, охотно лазила с ватагой таких же босоногих дачных детей за чужими яблоками и ягодами, хотя и на своем участке это все росло. Любила загорать на речке, и к концу лета превращалась почти в мулатку, носила мальчишескую стрижку и плевать хотела на внешний вид. Босоногое детство протекало почти беззаботно, и даже поездки к родне в деревню не вызывали особого протеста. Чего там ехать? Два часа всего и на месте. Несомненный плюс, в деревне свободы было больше – все друг друга знают, толпу детей обязательно кто-нибудь накормит, ну или угостит крапивой за кражу гороха с огорода. Нет, работать все же приходилось – картошка занимала километры земли, так казалось девчонке, когда вся семья выходила на окучивание сего стратегического овоща. Зато в августе можно было аккуратно подкопать такой огромный холм и выдрать несколько подходящих картофелин, чтобы испечь на углях, "место преступления" аккуратно маскировалось землей, как будто ничего и не было. Картошку запекали в укромном месте за изгибом речушки, которую в самое жаркое время можно было перейти в брод и детям, пацаны еще умудрялись поймать рыбешку. Воровали початки кукурузы с полей, могли и сырую погрызть, за что владельцы поля пытались ругаться с деревенскими, но

попробуй уследи за всей бандой. Валялись у кого-нибудь на сеновале, рассказывая жуткие-жуткие истории собственного сочинения, ночи летом наступают поздно. Иногда ватага делилась на два противоборствующих лагеря – пацанов и девчонок, чтобы немного поругаться на тему гендерного превосходства одних над другими, но порознь было скучно, поэтому компания быстро воссоединялась. Вечерами Ульянка ходила с тетей Валею забирать коров из стада, чтобы гордо продемонстрировать, что и она, городская, тоже может делать "деревенские" дела. Одна бы, конечно, не справилась, за несколько дней, пока они гостили, запомнить своих коров не получалось.

– Улька, дитя асфальта, – ругалась тетя Валя, – где твоя хворостина? Ласточка опять убегает!

И Ульянка мчалась за непослушной коровой, чтобы отогнать ее домой. Чем потом хвасталась городским друзьям, у которых родственников в деревне не было. Ребяшня, открыв рты, слушала рассказы, как она кормила цыплят или поила молоком телят, а то и вовсе каталась с дедом на комбайне во время сенокоса.

– Называется он фуражир, – задрал нос, вещала девочка пацанам, у которых горели глаза и было немного обидно, что у нее, вон, сколько приключений. – Собирает скошенное сено из волков – это такие узкие дорожки по всему полю, – поясняла для "городских", – и сыпет в большой-большой прицеп, чтобы потом высыпать большой кучей. Это получается

копна. А потом ее аккуратно сложат и получится скирда, вот. Так на зиму сено заготовливают, а если в яму закопать вместе с зерном, будет силос. Вот.

– Клево, – благоговейно выдыхала компашка. – А еще? Чё, правда, домой в девять не загоняют?

– Правда. Можно хоть до полуночи гулять, – и это был, можно сказать, нокаут.

В год своего тринадцатилетия Ульянка прибавила в росте за лето сразу пятнадцать сантиметров. Мама всполошилась, начала таскать по врачам – у дочки начались обмороки и ухудшилась осанка, мышцы не поспевали за ростом костей. Вот так Фенечкина из "своего пацана" превратилась в "модель", как называли ее родители, с оттенком легкого пренебрежения в голосе к этой профессии. Рост мешал, движения были неловкими, да и сама она больше напоминала гадкого утенка. И казалось ей, что лебедем не стать никогда – намек на грудь все еще не было, зато в рост пошла нога, размер обещал быть под стать. И все бы это можно было пережить, только вот на линейке первого сентября оказалось, что она в росте догнала мальчиков. А еще случилось ЭТО! В их довольно дружный класс пришла новенькая – Вероника. Миленькая куколка с детства отличалась стержовым характером и не терпела конкуренток. Девочка была хорошенькой – невысокая, ладная, огромные чистые голубые глаза, пшеничная коса до талии толщиной в запястье взрослой женщины, пухлые губки, которые она умела надувала, чтобы каприз

точно был выполнен. Уже тогда у нее было чутье на тех девчонок, что могли отвлечь от нее внимание мальчиков.

Она быстро поняла, что высокая, худая и нескладная Ульянка, у которой и волосы были каким-то мышинными, и рот большим, пользуется авторитетом среди мальчишек. И не стало Ульянке жизни. Седьмой класс они худо-бедно уживались, в восьмом противостояние набрало обороты – Вероника совершенствовала искусство женских интриг, и к девятому вся параллель считала Фенечкину страшилищем. Рост уже за сто семьдесят, размер ноги тридцать девять. К десятому классу Веронику боготворила половина девочек, тогда как вторая – ненавидела. Та уже довольно умело красилась, одевалась со вкусом, разбиралась в моде и читала журналы для девочек, захлеб рассказывая про своих кумиров. А еще тогда-то за Ульянкой, уже довольно стеснительной и замкнутой, закрепилось прозвище Фигулька из-за полного отсутствия груди. Ну не считать же грудью размер, не дотягивающий даже до единички? А вот фигура Вероники оформилась в классические песочные часы, и за уже королевой школы толпами бегали поклонники.

А Ульку только в одиннадцатом классе поцеловал робкий одноклассник. Да девочка и не стремилась к отношениям в школе, она уже тогда решила, что станет такой, чтобы Вероника на ее фоне выглядела самой обыкновенной. И почему-то ей казалось, что лучше всего будет стать журналисткой, обзирающей светскую жизнь. Скупались журна-

лы "Лиза" и Coolgirl, стены комнаты украсили постеры популярных групп – Hi-Fi, N Sync и Backstreet Boys, а также Агилеры, Бритни и многих других. Фенечкина во что бы то ни стало решила пробиться в ту тусовку, и обязательно в Москве. Конечно, хорошо было бы стать знаменитой моделью, как Наоми, например, но, увы, тут не сложилось. Хотя рост и остановился на отметке метр восемьдесят, грудь так и не выросла во что-то приличное, зато выросла попа. Глядя на одноклассницу, похожую на совершенную статуэтку, уже теперь девушка злилась на природу, наградившую ее такой жуткой фигурой. Да еще и родители не поддерживали "дурь, которую дочка вбила себе в голову". Никто не помог, не направил, не объяснил про индивидуальность, так и получилась дикая смесь из стремлений к гламуру, комплексов и желания стать круче первой красавицы школы. Теть Валя, младшая мамина сестра, веселая и несколько разбитная женщина, к тому времени поссорилась с семьей из-за очередной любви и уехала куда-то на Север, зарабатывать деньги. Родители, считавшие, что "не были богатыми, нечего и начинать", хором заклеямили Валу "непутевой".

– Ну и дура! – злилась мама. – Без мыла везде пролезет.

– Валька не пропадет, – вторил ей папа, – найдет хахалю побогаче и хорошо пристроится.

Дочери причина этих ссор была неизвестна, да и кто бы стал ей объяснять? А тетя Валя Ульяне нравилась – не красавица, зато такая заводная, энергичная и обаятельная, что

устоять просто невозможно. Но общаться им категорически запретили, и вновь их разговор состоялся уже когда Уле было лет двадцать пять. К тому времени она окончила в местном университете факультет журналистики и переехала в Москву, хотя родители и были категорически против, считая, что большой город погубит их кровиночку. Успела побывать в первых отношениях, лишиться девственности, побывать во вторых отношениях, поработать, где придется и накопить денег на заветную мечту. Негласное соревнование с Вероникой продолжалось, та успела выскочить замуж за старого, по меркам тогда двадцатидвухлетней девушки, владельца местных газет – мужику было за тридцать, но он был богат. "Любимая" одноклассница поселилась в центре города, получила машину и возможность вести шикарную жизнь, не ударяя палец о палец, чем вызывала черную зависть менее удачливых товарок.

"Хорошо, видать, дает и сосет", – думала Ульянка, в глубине души завидуя поездкам на курорт и брендовым шмоткам. – "Ничего, подцеплю в Москве кого покруче. Она еще мне сама завидовать будет".

Но в столице не спешили встречать новоиспеченного специалиста с распростертыми объятиями. Пришлось снять комнатку, набрать работы по самые гланды и экономить каждую копейку. Удалось еще немного добавить к накоплениям и сделать операцию по увеличению груди. Третий размер хорошо компенсировал шикарные бедра, не очень разно-

образные питание, большая физическая нагрузка (а попросту, беготня по городу) и каналы фитнес-тренеров сделали ее фигуру поджарой и довольно соблазнительной. Перекрасилась в платиновый блонд, сменила гардероб (каких усилий и затрат это стоило, разговор отдельный и длинный), маникюр-педикюр и безупречный макияж – и вот теперь ее на работу брали охотнее. Комнатку сменила уютная квартирка, постель согревал Артур – красавчик, вызывавший зависть заклятых подруг. Ульянка прилагала титанические усилия, чтобы хотя бы оставаться на месте, сделать рывок вперед у нее никак не получалось. Ей бы остановиться и подумать, что она делает, для чего, но привычка оглядываться на Веронику и желание утереть той нос не давали времени на раздумья. Работа, подработка, распродажи и горячие путевки – только бы фотки в инста, фейсбук и прочее. Зачем? На этот вопрос Ульяна бы не нашла ответа, даже если бы задумалась над ним.

А когда победу уже почти ухватила за хвост, все пошло прахом. Подвели модные туфельки на шпильке, и теперь Москва закрыта лет на несколько, а это профессиональная смерть. Но в родном городе ее уже ждала должность журналиста по профилю – светские новости, а проще – сплетни. И опять Ульку судьба решила хорошенько приложить: девушке было невдомек, почему ее, опальную журналистку не такого уж высокого уровня, после грандиозного скандала вдруг решились взять на работу.

Пока же она, выплакав обиду в тамбуре вагона, возвратилась в купе и легла спать. Завтра ей предстояло большое испытание – приезд домой, куда она поклялась никогда не возвращаться с поражением.

Родной город встретил удушающей даже поздним вечером жарой. Отец выволок красного монстра, "набитого кирпичами", по его словам, после чего, расцеловавшись с родителями, Уля поехала в квартиру своего детства, еще не зная, что черная полоса пока не закончилась, и судьба еще разок укусит ее за зад.

Глава 3.

Дома быстро был накрыт стол, блудную дочь встречали как полагается. Тамара Павловна все никак не могла успокоиться, причитая, что доченька совсем исхудала и довела себя до истощения. Отец, Михаил Иванович, больше молчал, но непонятного образа дочери тоже не одобрял. Впрочем, родители были рады ее возвращению.

Утром следующего дня Ульяна готовилась предстать перед новым начальством, поразив светским лоском и московским шиком. Волосы, в этот раз перекрашенные в "скандинавский блонд", были скручены в строгий пучок, макияж нанесен деловой умеренный, бежевый легкий жакет, белая шелковая блузка, жемчужно-серая юбка-карандаш, туфли цвета нюд на умеренном изящном каблуке, серьги-гвоздики с жемчугом, в комплект им подвеска, строгие часики. Деловая женщина готова. Чтобы тщательно продуманный образ не помялся, пришлось вызвать такси. Ровно в одиннадцать Улька была в приемной самого крупного журнала города со скромным названием "Городской вестник". Поприветствовав секретаря, которая подтвердила, что госпожу Фенечкину ждут, она, натянув свою самую лучезарную улыбку, открыла дверь в кабинет владельца.

Улыбка продержалась недолго, потому как челюсть медленно стремилась к полу, повинуюсь земному притяжению.

За массивным столом, в кресле владельца, вместо, собственно, владельца, сидела злейшая врагиня и причина всех несчастий – Вероника собственной персоной.

– Ну, привет, Уля Шварц, – пшеничная блондинка сияла как новая монета. Кажется, за прошедшие годы она не только не постарела, но стала выглядеть еще лучше. – И как, не заладилась столичная жизнь?

Ехидная улыбочка, исказившая губы бывшей одноклассницы, и победный блеск в глазах не оставили сомнения – это приглашение она подстроила, чтобы в очередной раз унижить Ульку.

– Т-ты? – горе-журналиста сжала кулаки, готовая броситься на Веронику и попортить той прическу. – Но зачем?

– А ты мне сразу не понравилась, – заговорила та после небольшой паузы. – Знаешь, такие, как ты, очень нравятся сначала мальчикам, потом мужчинам. Тебя обожали одноклассники за легкий характер и умение увлекательно рассказывать разные истории. Ты мне не понравилась с первого взгляда, – прошипела она. – А с годами ты могла превратиться в интересную девушку, мою прямую конкурентку, к счастью, мне удалось внушить тебе комплексы. Так что теперь Ульяна одна из тысяч одинаковых кукол, ничем не выделяющаяся из общей массы. Пластиковая пустышка, – она издевалась откровенно и с удовольствием.

– Тварь. Гадина, – Фенечкина была раздавлена, ей было больно и обидно. – Упиваешься своей властью, да?

– Да, – Вероника не скрывала своей радости от сложившейся ситуации. – Просто ты меня бесишь, вот и все. А теперь пошла вон, на работу тебя, естественно, никто брать не собирался. Явилась тут, вся такая нарядная, столичный журналист. Запомни, никому ты тут не нужна. Ни-ко-му, – как для дурочки, повторила по слогам. – Свободна! – пренебрежительно махнула рукой. – И да, работу в местных газетах можешь не искать, не возьмут, – торжествующе закончила.

– Сучка, – выдохнула Ульяна и от всей души шваркнула дверью. Она и подумать не могла, что первая красавица школы может ей завидовать и видеть конкурентку. Едва сдерживая слезы, девушка выскочила из здания редакции и вызвала такси. Цены были не московские, да и разреветься в автобусе не хотелось, к тому же Уля просто не знала, какой общественный транспорт ей нужен. Продержаться удалось до дома, и уже там эмоции нахлынули горькой волной. Где же так нагрешила, она сообразить не могла. Почему хитроумной стерве все, а ей фигу даже без масла?

Мама пыталась успокоить доченьку, отец в женские эмоции предпочитал не лезть. Белая шелковая блузка уже была залита слезами, тушь размазана по лицу, а плач стал переходить в икоту, когда раздался дверной звонок. Из деревни прибыла тетя Валя. Оценив обстановку и выслушав сбивчивый рассказ единственной племянницы, тетушка молча полезла в красный чемодан, еще не распакованный. Выкидывая изящные брендовые вещи на пол, она отобрала малень-

кую кучку удобных и практичных, добавив к ним купальник.

– Тома, дай дорожную сумку, – были ее первые слова.

– Зачем? – сестра очень удивилась такой просьбе.

– Ко мне поедет. На свежий воздух. Будем лечить нервное истощение, физическое истощение, а заодно и мозги на место вправим, – Валя была категорична.

– Й-й...й-я н-никуда не... поеду, – рвано выдыхая, высказала свое мнение Ульяна.

– Поедешь, – тетка выгнула изящную бровь. – Распустила нюни. На свежем воздухе быстро тебя в порядок приведем.

Не слушая возражений, она покидала в сумку отобранные вещи, обувь и попавшуюся под руку косметику, цепко ухватила племянницу под локоток и поволокла на выход. Спротивляться у Ульяны сил не было. Да и какая разница, где прозябать в безвестности и серости этой унылой жизни?

Надо отметить, что тетя Валя была женщиной элегантного возраста, старше племянницы на двадцать пять лет. Одета в льняные брючки и светлую футболку с абстрактным узором. Короткая стрижка ей очень шла, и седой волос совсем не старил, весь ее облик неуловимо напоминал актрису Джуди Денч.

– Миша, – обувая босоножки из светлой кожи на маленькой танкетке, обратилась она к отцу Ули, – помоги погрузить вещи и твою дочь. А ты, – повернулась к девушке, – обувайся или поедешь босой.

Как оказалось, погрузить нужно было в Nissan Qashqai

голубого цвета, который водила тетушка. Ульяна, конечно, знала, что тетка водит машину и занимается продажей выращенного в огороде, но почему-то в памяти прочно засело, что это что-то из отечественного автопрома, шестерка, например, да и вообще воображение рисовало образ колхозницы из советских фильмов. От увиденного она даже плакать перестала. Усевшись на переднее пассажирское сиденье, пристегнула ремень и стала наблюдать за родственницей. Та, уверенно расположившись на месте водителя, завела машину, включила кондиционер и выехала со двора. Влившись в поток машин, заговорила:

– Поживешь у меня. Покупаешься в речке, позагораешь, поможешь с огородом. Заодно и проветришься, а то и на человека уже не похожа, – спорить с ней Улька не решилась. – Труд очень помогает бороться с хандрой и приводить в порядок мысли. Живу я одна, в доме места хватит, – больше не проронила ни слова за почти полтора часа дороги.

Племянница молчала, поглядывая то на уверенно держащую руль тетушку, то на пейзажи за окном. Отметила краем глаза указатель питомника "Заповедный лес", а через несколько километров, на повороте с указателем конноспортивной школы и деревни Березняки, машина съехала с трассы и покатила в места Ульянкино детства. Девушка узнавала и не узнавала их одновременно. Здесь она была очень и очень давно. В последний раз в день похорон бабушки, пережившей деда меньше, чем на год. В их доме и осталась жить

младшая дочь. Печальные воспоминания опять вызвали слезы, семь лет прошло с тех пор, семь лет назад она в первый и последний раз приезжала в родной город. Деревянный штакетник давно заменил добротный забор из металлопрофиля и кирпичных колонн, ворота открывались автоматически – с пульта. Удивленно девушка отметила камеры видеонаблюдения. Небольшой передний двор, как называли его в деревне, был выложен брусчаткой и разделен клумбами на парковку и зону отдыха. Перестроенный дом давно облицевали кирпичом, и провели газ, воду и канализацию. В общем, полностью перестроили изнутри. Да и снаружи тоже – новые окна, новая крыша. Спутниковое ТВ и интернет. Жизнь в деревне была благоустроена не хуже, чем в городе. Комнат сделали всего четыре: кухню-гостиную, две спальни и еще одну общего назначения – от глажки белья до выращивания рассады. Безмерно порадовал отдельный санузел.

– Теть Валь, и не узнать дом-то, – Ульянка восхищенно рассматривала светлый лаконичный интерьер, единый стиль был выдержан во всех помещениях. – Даже кондиционер есть.

– Все у меня есть. Даже занудно-правильная старшая сестра и непутевая племянница, – тетушка улыбнулась и обняла родственницу. – С приездом. Иди в душ, а я пока на стол соберу.

Водные процедуры взбодрили и немного подняли настроение, по крайней мере, Ульянка смогла выпить чаю и ску-

шать бутерброд. Обе женщины молчали. Когда перекус был окончен, слово взяла хозяйка дома:

– Ульяночка, я не буду тебя пытаться. Потом, как-нибудь под бокал вина сама расскажешь, но и валяться на диване не получится, – она строго смотрела на Улю, – будешь мне помогать. Сейчас самый разгар сезона клубники. Ягода спелет как ненормальная. Ее нужно будет собирать на продажу, понятно? – дождавшись утвердительного кивка, продолжила: – Ну и так, еще кое-какие мелочи по хозяйству. Пойдем, покажу фронт работ.

А фронт работ был впечатляющ! Ягода занимала десять соток. Десять соток клубничных кустов! Да это же целая плантация!

– Теть Валь, это шутка? – Ульянка и думать забыла про Веронику. – Куда это все деть можно? Это же куча ягоды! – глаза девушки буквально полезли на лоб.

– Продать, – усмехнулась тетка. – У меня отличная ягода, да и берут хорошо – спасибо тренду на фермерские экологически-чистые продукты. Тут лет десять назад питомник открыли, газон продают, да зона отдыха небольшая – они закупают в ресторан и их постояльцы берут. А люди там отдыхают небедные. Еще конюшни там, за деревней, – махнула рукой куда-то в непонятном направлении, – там же и верховой езде обучают. Сама понимаешь, с удовольствием берут, особенно фитоняшки всякие для своих коктейлей, да мамыши детям. За столько лет канал наработан. Кое-что в город

отвожу. Перепелиные яйца опять-таки спросом пользуются. Не зажиреешь, конечно, но на хлеб с маслом хватает.

"Вот тебе и тетя Валя, – думала Ульяна, открыв рот. – Можно сказать, бизнес-леди. Ха, на хлебушек с маслом!"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.